

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА С ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Сергей Разумов, Сергей Лысенко,
Виталий Синика, Николай Тельнов

Ключевые слова: ранний бронзовый век, поздний энеолит, погребальный обряд, уса-товская культура, Нижнее Поднестровье, погребения собак.

Летом 2015 г. сотрудники научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко провели спасательные раскопки трёх разрушенных плантажной распашкой курганов (№№ 2-4 группы «Сад»), располагавшихся севернее с. Глиное Слободзейского района в левобережье Нижнего Днестра¹.

Курганная группа «Сад» находится в 2,8 км к северу–северо-востоку от северной окраины села, примыкающей к шоссе Тирасполь - Днестровск. Группа расположена на вершине юго-западной части обширного плато, примыкающего с севера к пойме реки Красная, впадающей в озеро Красное (рис. 1). До начала 1990-х годов курганный могильник находился под сливовым садом, который к моменту раскопок частично сохранился только на западном склоне плато. В настоящее время эта территория раскорчёвана и используется как пастбище.

В состав группы «Сад» входило не менее пяти курганов. Все они сильно разрушены плантажной распашкой.

Курган № 1, исследованный в 2013 г. Днестровской археологической экспедицией, содержал 26 погребений эпохи бронзы, а также одно захоронение средневекового кочевника.

В кургане № 2 выявлено три скифских погребения, датирующихся, судя по сохранившемуся инвентарю, IV в. до н.э.

¹ Исследования курганов группы «Сад» в 2015 г. стали возможны благодаря материальной помощи Д. Ржичана (Чешская Республика), за что выражаем ему искреннюю признательность.

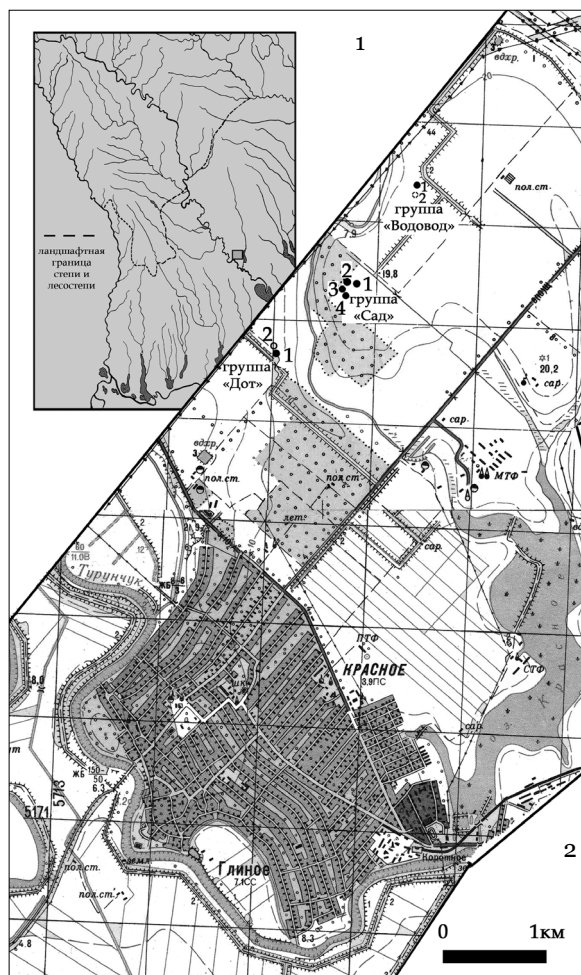

Рис. 1. Географическое и топографическое положение курганной группы «Сад» у села Глиное.

В кургане № 3 обнаружено четыре скифских погребения, также датирующихся IV в. до н.э.

Данная статья посвящена публикации ритуального комплекса эпохи ранней бронзы, исследованного в кургане № 4.

Курган копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты три бровки по линии запад – восток, ширина всех

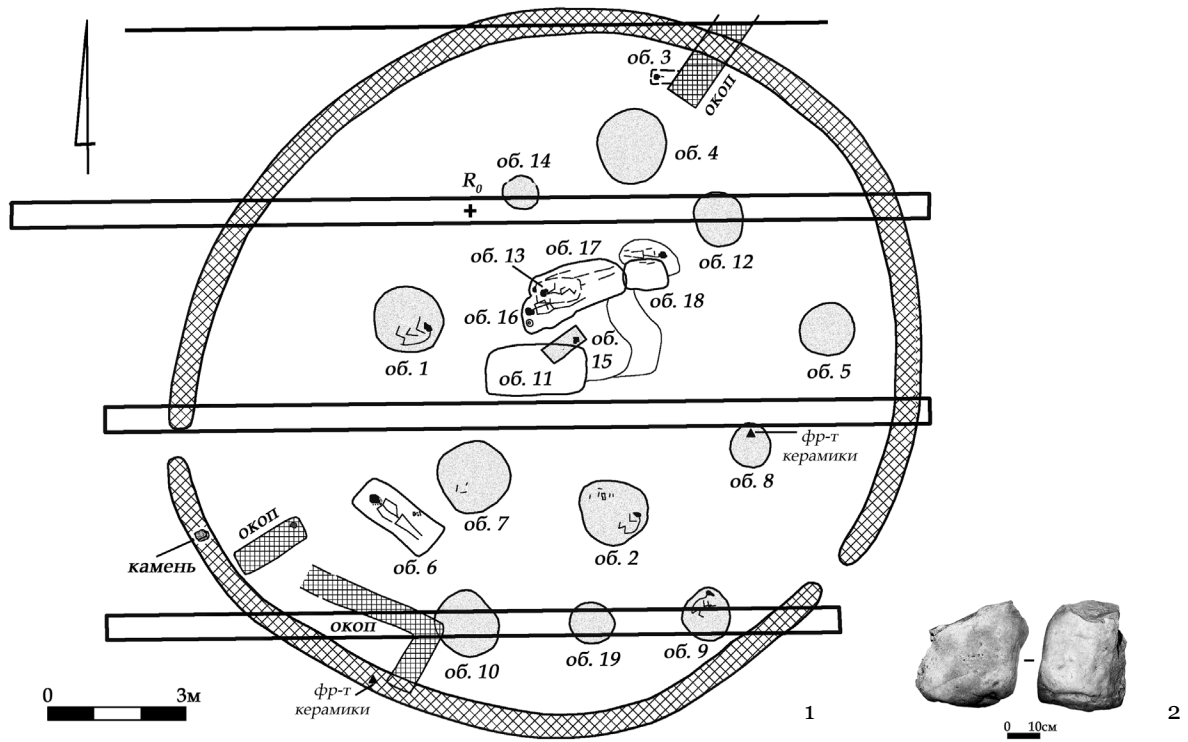

Рис. 2. План кургана 4 группы «Сад».

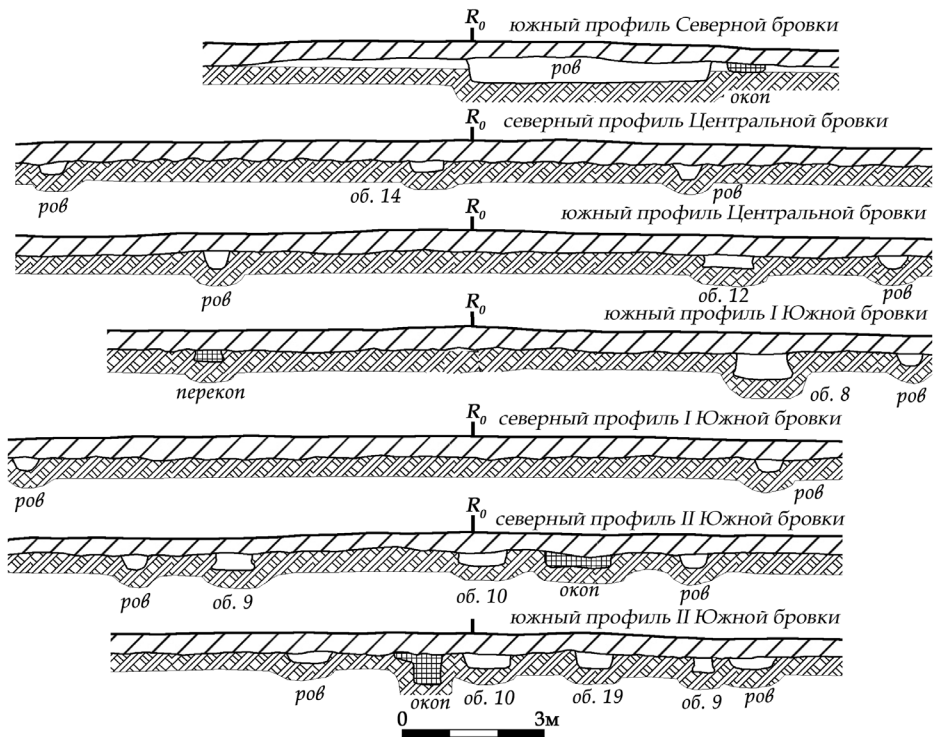

Рис. 3. Профили бровок кургана 4 группы «Сад».

бровок составляла 0,6 м, длина Центральной бровки – 20 м, двух южных бровок – по 16 м, расстояние между Центральной и I Южной, а также между обеими Южными бровками – по 4,5 м. Также был зачищен один профиль в 4,2 м к северу от Центральной бровки, длиной 14 м (рис. 2-3). Всего в кургане № 4 группы «Сад» было исследовано 20 объектов: основное погребение (объект 15), а также связанные с ним 11 ритуальных ям (объекты 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 19) и кольцевой ров; три погребения новочеркасской культуры второй половины VIII - первой половины VII в. до н.э. (объекты 13, 16, 17); четыре скифских погребения IV в. до н.э. (объекты 1, 6, 11 и 18) (рис. 2). Ниже мы приводим описание объектов, предварительно датированных нами ранним бронзовым веком.

Объект 1 (ритуальная яма) находился в 2 м на юг, в 1,5 м на запад от R₀.

Яма округлой формы диаметром 1,4 м и глубиной -0,8 м от R₀ (рис. 5/1). В придонном заполнении на глубине -0,75 м от R₀ был уложен на правом боку костяк собаки, мордой на восток. Внешняя сторона правой лопатки животного окрашена ярко-красной охрой. В районе задних лап зафиксировано кострище диаметром ок. 0,3 м.

Объект 2 (ритуальная яма) находился в 6,5 м на юг, в 2,5 м на восток от R₀.

Яма округлой формы диаметром 1,4 м и глубиной -0,8 м от R₀ (рис. 5/2). В придонном заполнении на глубине -0,73 м от R₀ был уложен на правом боку костяк собаки (частично разрушен бульдозером), мордой на восток. В северной части ямы, на глубине -0,62 м, в заполнении зафиксированы отдельные кости конечностей крупного копытного животного. Под ними отмечено кострище размерами 0,7×0,35 м.

Объект 4 (ритуальная яма) находился в 0,5 м на север, в 3,5 м на восток от R₀.

Яма округлой формы диаметром 1,8 м и глубиной -1,03 м от R₀. Стенки расширяются ко дну (рис. 4/5).

Объект 5 (ритуальная яма) находился в 2,5 м на юг, в 8 м на восток от R₀.

Яма округлой формы диаметром 1,3 м и глубиной -1,11 м от R₀. Стенки расширяются ко

дну. В заполнении ямы под стенками в 0,05-0,15 м выше дна лежали фрагменты костей животных: нижних челюстей и конечностей мелкого рогатого скота (МРС), крупного рогатого скота (КРС) и коня (?) (рис. 4/6).

Объект 7 (ритуальная яма) находился в 5,5 м на юг от R₀.

Яма округлой формы диаметром 1,7 м и глубиной -1,03 м от R₀ (рис. 6/1). Стенки расширяются ко дну. В заполнении ямы в 0,05-0,1 м выше дна лежали пяточная и фрагмент длинной кости крупного копытного животного. В центре ямы, на дне, отмечено кострище размерами 0,9×0,6 м.

Объект 8 (ритуальная яма) находился в 5 м на юг и в 6 м на восток от R₀.

Яма округлой формы диаметром 1,4 м и глубиной -1,15 м от R₀ (рис. 6/2). Стенки расширяются ко дну. В заполнении ямы на глубине 0,6 м от R₀ обнаружен мелкий фрагмент стенки лепного сосуда.

Объект 9 (ритуальная яма) находился в 9 м на юг и в 5 м на восток от R₀.

Яма округлой формы диаметром 1,1 м и глубиной -0,9 м от R₀ (рис. 6/5). Стенки расширяются ко дну. В северо-западной части ямы, на глубине 0,8 м, лежал костяк молодой особи мелкого рогатого скота на левом боку, мордой на восток.

Объект 10 (ритуальная яма) находился в 9 м на юг и в 1,5 м на запад от R₀.

Яма округлой формы диаметром 1,5 м и глубиной -0,84 м от R₀ (рис. 6/3).

Объект 12 (ритуальная яма) находился в 5,5 м на восток от R₀.

Яма округлой формы диаметром 1,3 м и глубиной -0,76 м от R₀. Стенки расширяются ко дну (рис. 6/6).

Объект 14 (ритуальная яма) находился в 0,5 м на север и в 1 м на восток от R₀.

Яма округлой формы диаметром 0,7 м и глубиной -0,63 м от R₀ (рис. 6/7).

Объект 15 (основное погребение) находился в 2,5 м на юг, в 2 м на восток от R₀.

Яма прямоугольной формы, размерами 0,95×0,45 м, с отвесными тщательно загла-

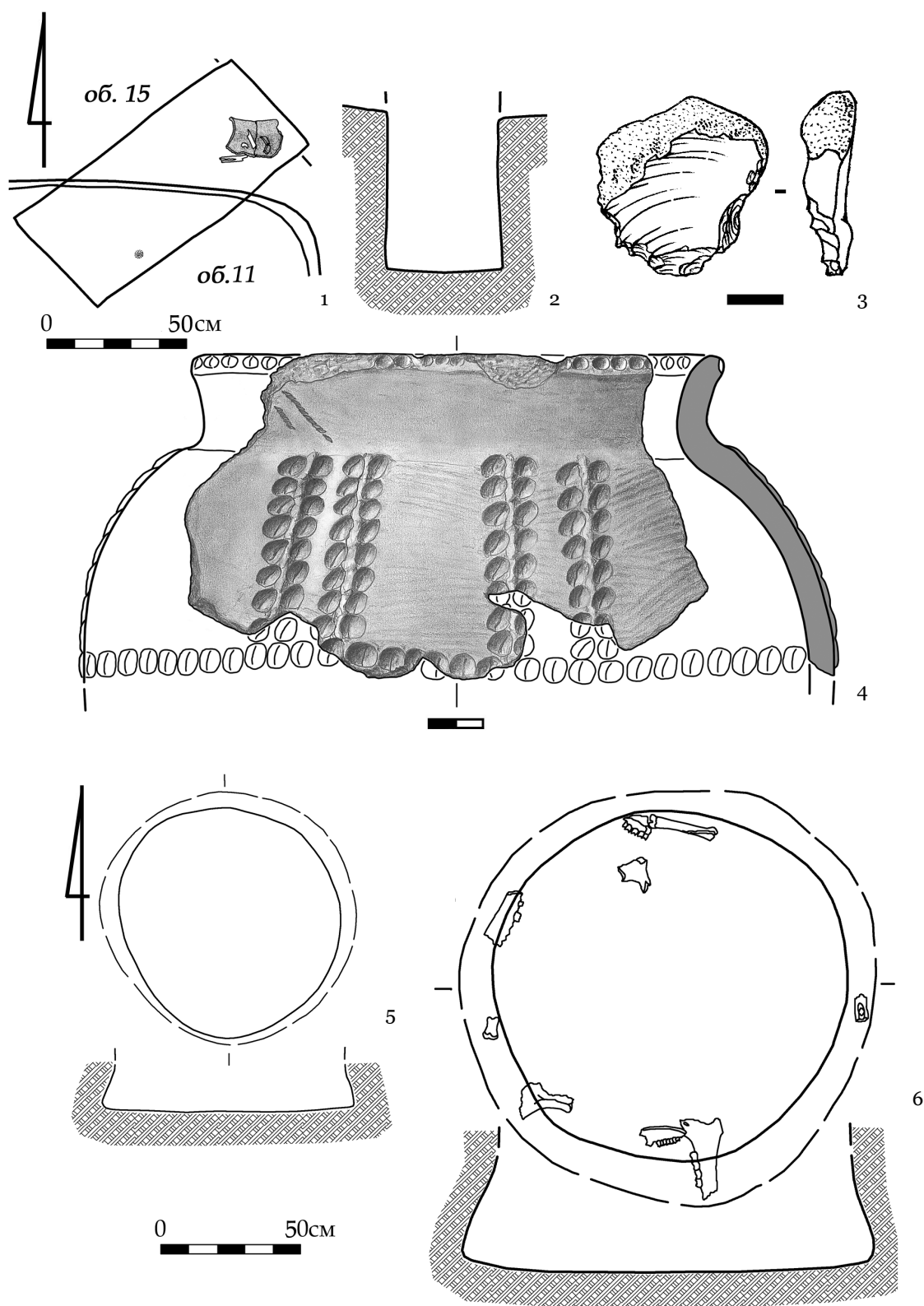

Рис. 4. Объекты раннего бронзового века кургана 4 группы «Сад»: 1, 2 - план и разрез объекта 15; 3 - кремнёвый отщеп из объекта 15; 4 - фрагмент сосуда из объекта 15; 5 - объект 4; 6 - объект 5.

женными стенками и выделенными углами, длинной осью ориентирована по линии юго-запад - северо-восток. Глубина -1,47 м от R_0 (рис. 4/1-2). Юго-западная часть ямы нарушена впускным скифским погребением (объект 11), дно которого на 0,05 м выше дна объекта 15 (рис. 2). Вероятно, объект 15 был частично разрушен и в ходе ограбления скифского погребения (объекта 11), в придонном заполнении которого были найдены фрагменты детского черепа, окрашенного алой охрой, и кремнёвый отщеп (1).

В северо-восточном углу объекта 15 лежала наружной стороной вниз боковина крупного лепного сосуда (2). Поверх неё были зафиксированы кости правой ноги и таза маленького ребёнка (возраст не более двух лет)². Очевидно, погребённый был уложен скорченно на правом боку либо на спине, головой на юго-запад. В юго-западной части ямы обнаружен комок алой охры диаметром до 0,05 м. Под фрагментом сосуда зафиксированы отпечатки растительной подстилки коричневого цвета.

Описание находок:

1. Кремнёвый отщеп полупервичный, размерами 33×28 мм (рис. 4/3), без следов работы. Кремень тёмно-серый меловой.
2. Крупный фрагмент верхней части округлобокого горшка (рис. 4/4). Венчик низкий, почти цилиндрический; край венчика плавно отогнут. Шейка отделена от корпуса незначительным уступом. Цвет внешней поверхности жёлтый; внутренней – серый, желтовато-серый. На внешней поверхности местами сохранился чёрный нагар. Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые; местами сохранились следы заглаживания широкозубой гребёнкой. Тесто рыхлое, с примесью шамота и выгоревшей органики.

Сосуд орнаментирован в верхней части корпуса, от шейки до его изгиба, группами сдвоенных вертикальных валиков, сформированных горизонтальными защипами, с глубокими пальцевыми вдавлениями по обе стороны валиков; с каждой стороны каждого валика на-

ходится по восемь вертикально расположенных пальцевых вдавлений, иногда – с вертикальным или наклонным отпечатком ногтя. По изгибу корпуса нанесён горизонтальный пояс из отступающих глубоких пальцевых вдавлений с вертикальным отпечатком ногтя. Внешний срез венчика украшен защипами, иногда – с вертикальным отпечатком ногтя. Шейка в левой части фрагмента, над одной из групп валиков, орнаментирована двумя параллельными линиями отпечатков шнура, наклонёнными вправо.

Диаметр венчика ок. 190 мм; диаметр корпуса ок. 267 мм; размеры фрагмента – 185×122 мм. Толщина венчика 9-10,5 мм; толщина шейки 13-15 мм; толщина стенок 10 мм.

Объект 19 (ритуальная яма) находился в 9 м на юг, в 2,5 м на восток от R_0 .

Яма округлой формы диаметром 1 м и глубиной -0,85 м от R_0 (рис. 6/4).

Основное погребение (объект 15) было окружено *кольцевым рвом* диаметром 15 м (между зафиксированными в материке внутренними краями рва), шириной до 0,5 м по дну и глубиной до 0,9 м от R_0 . Дно рва было уплощено, стенки расширялись кверху. Зафиксированы две материковые перемычки – на западе-юго-западе и на юго-востоке рва (рис. 2-3).

Описание находок из рва:

1. Камень размерами 30×22×17 см (рис. 2/2) представляет собой многоугольный кусок плотного мелкозернистого песчаника с окатанными гранями. В двух местах находятся древние сколы. Найден в придонной части заполнения рва в 1,5 м южнее его юго-западной перемычки, на глубине около 0,8-0,9 м от R_0 . Возможно, являлся частью менгира или стелы.
2. Фрагмент стенки большого лепного сосуда. Найден в придонном заполнении южной части рва, на расстоянии 1,5 м на юг от 2 м на запад II Южной бровки, на глубине -0,93 м от R_0 . Тесто с примесью шамота и незначительного количества мелкого песка. Цвет поверхностей светло-коричневый; в изломе – чёрный. Поверхности заглажены, подлощены. Размеры 52,5×33,5 мм, толщина 7-8,3 мм.

² Выражаем искреннюю признательность за антропологические определения доктору биологии Сильвии Лукашик (Университет им. Адама Мицкевича, г. Познань, Польша).

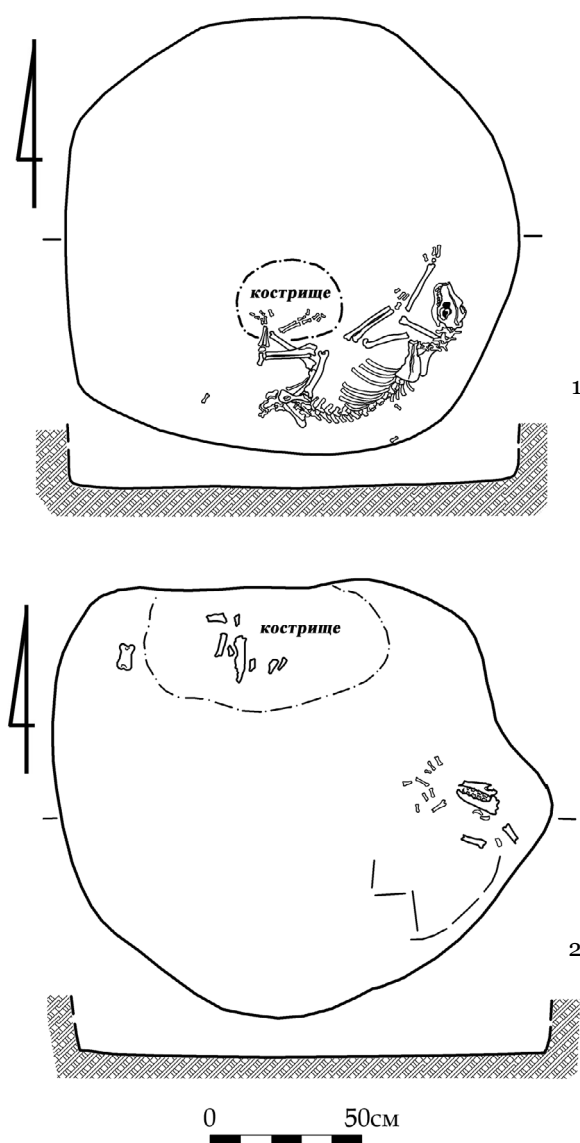

Рис. 5. Объекты раннего бронзового века кургана 4 группы «Сад»: 1 - объект 1; 2 - объект 2.

Стратиграфия кургана

Вероятно, курган 4 группы «Сад» был сооружён в один приём (рис. 2-3). Впрочем, мы не исключаем наличия небольших досыпок более позднего времени, уничтоженных плантажной распахкой, грабительской воронкой (при ограблении впускного скифского погребения 11), а также сооружениями периода Великой Отечественной войны. Сохранившаяся высота кургана 4 на момент раскопок составляла всего 0,2 м от современной поверхности. Первоначальные границы насыпи определялись внутренним краем кольцевого рва. Таким образом, максимальный диаметр кургана

4 составлял около 15 м. Установить первоначальную высоту насыпи не представляется возможным. Вероятно, она была не менее 1 м, поскольку примерно двумя тысячелетиями позднее в центр кургана, который должен был выделяться на местности, были впущены три погребения новочеркасской культуры, а ещё через полтысячелетия – четыре скифских захоронения.

Именно наличие одиннадцати ритуальных ям (объекты 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 19), выкопанных, очевидно, с древней поверхности и размещённых в определённом порядке вокруг основного погребения, внутри кольцевого рва, определило во многом интерпретацию данного памятника в качестве ритуального комплекса начала эпохи бронзы. Все ямы были круглой формы, их диаметр варьировался в пределах 0,7-1,5 м, глубина – 0,63-1,15 м. Заполнение было однородным, чернозёмным.

Восемь ям (с севера на юг и слева направо – объекты 4, 12, 5, 8, 2, 7, 1, 14) на плане кургана 4 образуют «квадрат» с длиной сторон около 7 м, ориентированный относительно сторон света так же, как и основное погребение в его центре (рис. 2). При этом объект 7, расположенный посередине юго-западной стороны «квадрата», напротив головы погребённого, несколько сдвинут на юго-запад, образуя выступ. Объекты 10, 19 и 9 (в ряд с запада на восток) располагались особняком, в южной части окружённого рвом подкурганного пространства. Средний в ряду объект 19 располагался в 2 м к югу от южного угла «квадрата» (объекта 1) и в 6,5 м к югу от основного погребения.

Отметим также, что горловины по крайней мере шести ям (объекты 4, 5, 7, 8, 9, 12) наверняка были заметно уже придонных частей (колоколовидные в разрезе) (рис. 4/5-6; 6). Не исключено, что остальные пять ям были аналогичной конструкции, но их сохранность не позволила это зафиксировать. На дне ям 1, 2 и 7, образующих юго-западную сторону «квадрата», были расчищены остатки кострищ в виде прокалённого материкового суглинка и мелких древесных угольков. При этом объекты 1 и 2, образующие южный и западный углы, были аналогичны по размерам. В обеих ямах были найдены костяки собак, уложенных в одинаковых позах, спинами упираясь в юго-восточные стенки, на правом боку, головами

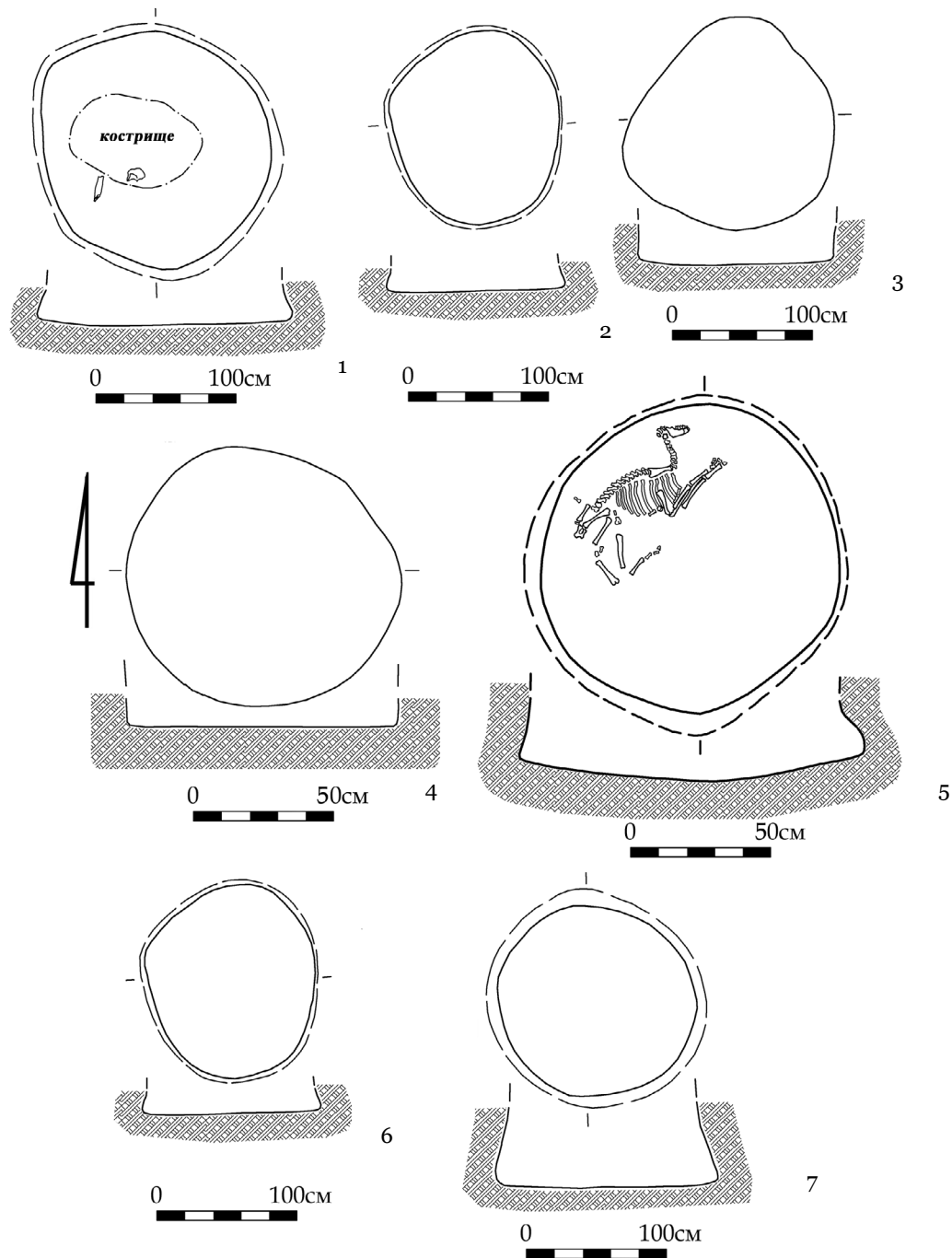

Рис. 6. Объекты раннего бронзового века кургана 4 группы «Сад»: 1 - объект 7; 2 - объект 8; 3 - объект 10; 4 - объект 19; 5 - объект 9; 6 - объект 12; 7 - объект 14.

на северо-восток, а также упомянутые кострища (рис. 5). В аналогичной позе, но «зеркально» (спиной к северо-западной стенке ямы, на левом боку, головой также на северо-восток) была уложена молодая особь мелкого рогатого скота (вероятно, овца, поскольку остатки рогов не зафиксированы) в яме 9, самой восточной в южном ряду ритуальных ям. Кроме целых костяков животных (объекты 1, 2 и 9), в ямах 2, 5 и 7, в придонном их заполнении (5-15

см выше дна), находились кости конечностей крупных копытных животных, а в яме 5 к тому же и фрагменты нижних челюстей крупного и мелкого рогатого скота.

Наиболее близкой аналогией глинянскому комплексу (расположенные на подкурганной площадке в определённом порядке круглые ритуальные ямы с костями животных, окружённые кольцевым рвом) является курган 6 у с. Никольское Слободзейского района, также

на левобережье Днестра, примерно в 15 км к северо-востоку от группы «Сад» (Агульников, Сава 2004, 46-49, рис. 22). Здесь вокруг основного погребения 2, прямоугольная яма которого длинной осью также была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток, располагалось семь ритуальных ям (рис. 7). Все они были круглыми в плане, диаметром от 1,6 до 1,4 м, глубиной 0,85-1,21 м от R_0 . Ямы 6 и 7 расширялись ко дну. В яме 1 (восточнее погребения) была найдена челюсть волка либо собаки, в яме 5 (южнее погребения) – астрагал крупного рогатого скота, в яме 7 (юго-западнее погребения) был уложен скелет особи мелкого рогатого скота (овцы). К сожалению, на рисунках и в тексте публикации сведения о позе животного отсутствуют. Между ямами 1 и 2 на древнем горизонте был найден кусок песчаника, предположительно изображавший голову быка (Агульников, Сава 2004, 49, рис. 23/5). Ямы, по мнению авторов раскопок, образовали «достаточно чёткую окружность», в центре которой располагалось основное погребение 2. На наш взгляд, здесь скорее можно говорить о «пятиугольнике», длинная ось которого совпадает с осью погребения. Ямы 4, 2, 1 и 6 (с севера на юг и слева направо) образуют четыре угла, а яма 7 с костяком овцы юго-западнее погребения – выступающий пятый угол (рис. 7). При этом данная яма, длинная ось погребения и «букрабий» располагаются на одной линии. Наконец, ямы 5 и 3 находились на одной линии южнее предполагаемого «пятиугольника».

Курган 6 у с. Никольское был окружён кольцевым рвом диаметром 15-15,5 м, с проходом в юго-западной части. В заполнении рва в трёх местах были найдены фрагменты керамики, содержащей в тесте толчёные раковины. Зафиксированы также остатки каменной обкладки диаметром 14,5 м.

Костяк взрослого человека в основном погребении 2 кургана 6 был разрушен. Судя по сохранившимся костям, погребённый мог быть уложен скорченно на левом боку, головой на северо-восток. В заполнении погребальной ямы были найдены два фрагмента сосуда с толчёной раковиной в тесте и кремнёвое орудие. Отметим, что основное погребение кургана 6 и связанные с ним объекты авторы публикации отнесли к «доусатовскому энеолиту» (Агульников, Сава 2004, 48)

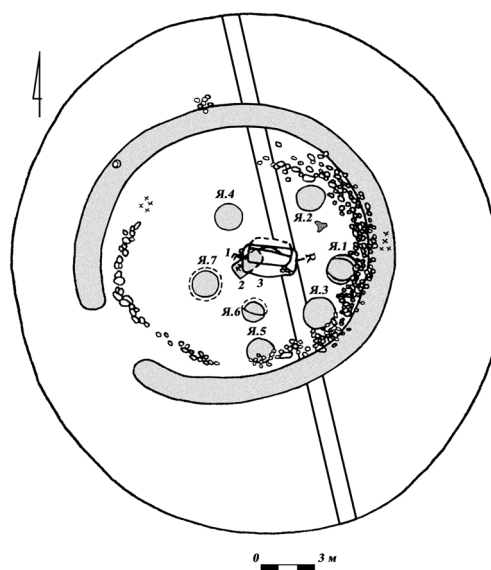

Рис. 7. План кургана 6 у села Никольское Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (по Агульников, Сава 2004, рис. 22).

Общая схема расположения объектов под насыпью кургана 6 у с. Никольское, форма отдельных ритуальных ям, а также наличие в них отдельных костей собаки (или волка), крупного рогатого скота, скелета овцы – всё это позволяет нам рассматривать данный памятник в качестве аналога комплексу кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное. Различаются эти комплексы количеством ям, возрастом и ориентировкой погребённых, наличием в кургане 6 у с. Никольское кольцевой каменной обкладки.

Кроме того, мы можем привести и другие, более отдалённые параллели глинянскому комплексу. В первую очередь следует упомянуть ритуальные ямы и погребения домашних животных, связанные с различными культурными группами степного энеолита, усатовской культурой, а также с памятниками ямной культурно-исторической общности Северо-Западного Причерноморья.

Наибольший интерес вызывает такая черта погребального обряда энеолита – раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья, как костяки собак, сопровождающие погребённых. Такие случаи единичны. Наиболее близким географически и типологически к публикуемому нами памятнику является курган 1 у с. Тудорово на правом берегу Нижнего Днестра (в верховьях Днестровского лимана, чуть более 30 км от Глиного по прямой). Здесь, в 8 м к юго-западу от основного погребения

усатовской культуры, предположительно, на древнем горизонте, была уложена на левом боку собака с подогнутыми лапами, мордой на северо-запад (Мелюкова 1962, 77). Следует обратить внимание, что на костях собаки были зафиксированы следы окраски красной охрой, как и в культовой яме 1 кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное. Основное погребение кургана 1 у с. Тудорово, по мнению автора раскопок, было ограблено. Тем не менее, в нём сохранились часть каменного топора, долото, шило и пластина (часть ножа?) из мышьяковистой бронзы, изделие из охры (Мелюкова 1962, 75). Костей человека не выявлено, но в заполнение ямы, ориентированной длинной осью по линии юго-запад - северо-восток, было впущено погребение маленького ребёнка, уложенного скорченно на левом боку головой на юго-восток. Поверх выкида было зафиксировано сложное перекрытие из тростника и уложенных в виде решётки плах, также яма основного погребения была окружена каменным кольцом. Показательно и наличие двух круглых культовых ям, вырытых с древнего горизонта. Первая находилась северо-западнее основного погребения, в ней было кострище, а также фрагменты костей животных и сосуда. Вторая яма была расположена к востоку от центра кургана, стенки её расширялись ко дну, а в заполнении был найден миниатюрный лепной сосудик с ручкой. Северо-восточнее и западнее центра кургана были зафиксированы кострища с фрагментами костей животных. Курган был окружён каменной обкладкой, в юго-западную часть которой было «встроено» синхронное центральному погребению 1, где скорченный костяк взрослого человека, уложенный головой на восток, сопровождался пятью сосудами (в том числе ритуальным кубком с изображениями животных), бронзовым шилом, 61 подвеской из зубов оленя и изделием из охры (Мелюкова 1962, 76).

С усатовской культурой связано ещё одно захоронение собаки в основном погребении 15 кургана 5 у с. Баштановка Татарбунарского района Одесской области, в Дунай-Днестровском междуречье (Шмаглий, Черняков 1970, 77-79). Но здесь скелет собаки, уложенной на правом боку головой на северо-восток, находился непосредственно в заполнении овальной погребальной ямы (на перекрытии?). Окрашенный охрой костяк взрослого человека, уложенного скорченно на левом боку головой на восток,

был всего на 15 см ниже. Отметим также, что данное погребение было окружено рвом диаметром 12,6 м, в заполнении были кости животных и обожжённые камни (Шмаглий, Черняков 1970, 77-79).

Кроме комплексов усатовской культуры, в литературе упоминаются погребения собак в курганах ямной культурно-исторической общности. В частности, С.В. Иванова перечисляет находки скелетов собак в трёх пунктах между Дунаем и Днестром: Баштановка 7/16, Нерушай 9/9, Плавни 12/2 (Иванова 2001, 121).

Впрочем, с отнесением данных комплексов к ямным есть некоторые проблемы. Так, уложенный в неглубокой яме либо, скорее, на древнем горизонте на правом боку головой на северо-восток скелет собаки в северо-восточной поле кургана 7 у с. Баштановка, очевидно, связан вовсе не с впущенным в юго-западную полу ямным погребением 16, а с основным погребением 9. Последнее, хоть оно и было ограблено, авторы раскопок предварительно отнесли к усатовской культуре (Шмаглий, Черняков 1970, 82). Оно было совершено в прямоугольной яме размерами 1,7×0,9 м, под каменной закладкой, длинной осью ориентированной по линии запад-восток с небольшим отклонением юго-запад - северо-восток. Стенки ямы были тщательно обработаны (Шмаглий, Черняков 1970, 82). Характеристики ямы погребения 9 кургана 7 у с. Баштановка и погребения 15 кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное в целом сходны.

Несколько по иному выглядит ситуация с погребением 9 кургана 9 у с. Нерушай, также Татарбунарского района. Здесь в первоначальную насыпь усатовской культуры диаметром 15 м (в инвентаре основного погребения 82 были лепная амфорка, бронзовый кинжал с костяной рукоятью и ожерелье из морских раковин) было впущено погребение 9, сопровождавшееся досыпкой. Погребение совершено в яме с овальным в плане уступом, на котором фиксировались остатки перекрытия в виде жердей и тростниковых матов. Стенки ямы также были обложены тростниковыми матами, закреплёнными жердями. Очевидно, именно на перекрытие, головой на юго-восток, была изначально уложена собака, скелет которой осел в заполнение ямы. Погребение было парным. Костяк взрослого был уложен на правом боку

с разворотом на спину, головой на юго-восток, его правая рука вытянута перпендикулярно позвоночнику, между ней и телом были зафиксированы остатки скелета грудного ребёнка, скорченного на левом боку, головой также на юго-восток. Правее черепа первого костяка было найдено изделие из охры со сквозными отверстиями. За спиной взрослого, у его левого локтя, на дне ямы лежал фрагмент крупного шаровидного лепного сосуда со слабо отогнутым венчиком, с ручкой-налепом, внутри толстый слой охры (Шмаглий, Черняков 1970, 18-20, рис. 15/3). Другие фрагменты этого же сосуда были найдены в заполнении и у юго-западного угла погребальной ямы. Данный комплекс по чертам погребального обряда в целом вписывается в круг погребений ямной культурно-исторической общности региона. При этом следует обратить внимание, что он был впущен в центр небольшой усатовской насыпи и сопровождался значительной досыпкой. Ориентация погребённых в восточном секторе также является чертой, характерной для усатовской культуры (Патокова и др. 1989, 96). Несомненным является сходство с усатовским комплексом Баштановка 5/15 в расположении собак на перекрытиях ям. Тонкостенный крупный сосуд из хорошо отмученной серой глины, с продолговатым вертикальным налепом, фрагменты которого происходят из погребения 9, С.В. Иванова относит к единичным для комплексов раннего этапа буджакской ямной культуры формам и связывает с влиянием культур Карпато-Дунайского региона первой половины III тысячелетия до н.э., в частности, культуры Костолац (Иванова 2013, 231, рис. 4/1; 14; 18/9, 10). И.В. Манзура рассматривает продолговатые вертикальные налепы под венчиком в качестве признака культуры Чернавода I, что может свидетельствовать о более ранней датировке данного комплекса (Манзура 2013, 137, 139).

Последний из трёх названных С.В. Ивановой ямных комплексов с погребениями собак – Плавни 12/2 (Иванова 2001, 121) – при проверке оказался вовсе несуществующим. В коллективной монографии 1985 года «Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная» погребение 2 кургана 12 описывается как захоронение средневекового кочевника (Андрух и др. 1985, 42). Не значатся здесь находки скелетов собак и в связи с другими погребальными комплексами курганного могильника Плавни.

Таким образом, на настоящее время список погребений собак в курганах позднего энеолита – раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья выглядит следующим образом: Тудорово курган 1; Баштановка курган 5 погребение 15; Баштановка курган 7; Нерушай курган 9 погребение 9; Глиное «Сад» курган 4, ямы 1 и 2. Видимо, к этим пяти комплексам можно добавить находку челюсти собаки или волка в круглой культовой яме 1 кургана 6 у с. Никольское. В этой связи следует упомянуть известные как в усатовских (Дергачев, Манзура 1991, 112), так и в ямных (Иванова 2001, 142) комплексах подвески-амулеты из собачьих и волчьих зубов, связываемые исследователями с погребениями слугителей культа.

Отдельные «кости молодой собаки и молодой особи овцы (козы)», найденные рядом со скелетом ребёнка из перекрытого антропоморфной стелой основного погребения 1 кургана 2 у с. Оланешты на правом берегу Нижнего Днестра, упоминаются в аналитической части монографии Е.В. Яровой «Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья» (Яровой 1990, 212). При этом ни единого слова о костях животных не сказано в описании данного погребения (Яровой 1990, 157, 159). Судя по плану погребения 1 (Яровой 1990, 158, рис. 68/1), за спиной ребёнка действительно размещались какие-то кости животных. Погребённый был уложен скорченно на левом боку, головой на юго-запад. Впрочем, на плане кургана 2 (Яровой 1990, 156, рис. 67) ребёнок изображён ориентированным на северо-восток. Синхронными ему, по мнению автора раскопок, были четыре прямоугольных ямы без костяков («погребения» 2, 5, 6, 9), также ориентированные длинной осью по линии юго-запад - северо-восток (кенотафы?). В составе перекрытий «погребений» 2 и 5 присутствовали антропоморфные стелы (Яровой 1990, 213). С датировкой и культурной атрибуцией основного погребения 1 кургана 2 у с. Оланешты также есть определённые проблемы, которых мы коснёмся ниже.

За пределами Северо-Западного Причерноморья, на территории степной и лесостепной зон Восточной Европы, погребения собак известны на целом ряде памятников позднего энеолита - бронзового века (Ковалёва и др. 1979, 13; Берестнев 1999, 41-49; Берестнев 2001, 129-130; Лысенко, Лысенко 2004, 200).

Особый интерес вызывает одна деталь погребального ритуала в «княжеском» кургане 31 могильника «Клады» (поздний горизонт) в Прикубанье, относящемся к новосвободненской группе майкопско-новосвободненской общности. В мегалитической двухкамерной гробнице погребения 5, содержавшей костяки взрослого и ребёнка до 7 лет, уложенных скорченно на боку головами на юг – юго-восток, среди богатейшего инвентаря, связанного, в том числе, и с функциями служителя культа (лидера коллективных обрядов), были найдены бронзовая и серебряная фигурки псов, как бы охранявших входное отверстие гробницы (Резепкин 1991, 184, рис. 10/5-6). Здесь можно усмотреть некоторое сходство со структурой ритуального комплекса кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное, где две собаки, обращённые мордами к голове погребённого ребёнка, «стерегут» с двух сторон выход из окружённого рвом пространства. Также парное погребение собак в отдельной яме было зафиксировано на позднеэнеолитическом могильнике Госпитальный Холм на левобережье Среднего Днестра (Ковалёва 1984, 28).

Находки в погребальных памятниках энеолита – раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья целых скелетов мелкого рогатого скота также немногочисленны. Отметим, что в отдельной культовой яме целый костяк МРС был найден лишь однажды. Мы имеем в виду упомянутую выше яму 7 в кургане 6 у с. Никольское Слободзейского района, в которую был уложен скелет овцы (Агульников Сава 2004, 46-49, рис. 22). Непосредственно в гробницах, вместе с погребёнными, скелеты МРС находились в четырёх комплексах усатовской культуры: на левобережье Среднего Прута – в погребениях 3 и 5 грунтового могильника Данку I (Дергачев, Манзура 1991, 38, 41); на правобережье Нижнего Днестра – в захоронениях Пуркары 1/11, 2/13 (ребёнок) (Яровой 1990, 62, 100).

Погребения домашних животных (свиней, крупного и мелкого рогатого скота, коней) в отдельных ямах, сопровождающие гробницы с останками людей, известны на памятниках культуры шаровидных амфор (Свешников 1983, 8-10, 18), частично синхронной усатовским и раннеямным комплексам Северо-Западного Причерноморья (Szmyt 2002, 113).

Обряд помещения чучел и целых туш животных (мелкого рогатого скота, крупного рога-

того скота, лошадей) во входные колодцы и в камеры катакомб, а также в отдельные ямы, неоднократно зафиксирован и для комплексов катакомбных культур (Берестнев 2001, 129-130; Иванова и др. 2005, 85, рис. 55; Разумов и др. 2013, 326). Так, костяк сильно скорченного на правом боку ягнёнка был уложен на деревянный заслон дромоса погребения 6 ингульской катакомбной культуры, впущенного в курган 1 той же группы «Сад» у с. Глиное (Тельнов и др. 2013, 18).

Гораздо чаще в погребениях энеолита – раннего бронзового века встречаются лишь отдельные части скелетов либо кости (челюсти, конечности) копытных животных. Также отдельные кости мелкого, крупного рогатого скота, лошади и неопознанных животных, в том числе кальцинированные, неоднократно фиксировались в культовых ямах и кострищах, связанных с усатовскими и ямными погребениями. Создание полной подборки таких комплексов не входит в задачи данной публикации. Тем не менее, приведём несколько показательных, с нашей точки зрения, примеров.

В кургане 12 первого Усатовского курганного могильника в круглой культовой яме 4, вместе с остатками кострища, были найдены окрашенные охрой челюсть и кости конечностей МРС. В округлых культовых ямах 6 и 7 этого кургана также были кострища и фрагменты костей животных, Кострище с костями крупного копытного животного примыкало к основному погребению 2 кургана 3 второго курганного могильника Усатова (Дергачёв, Манзура 1991, 106-107, 113). Черепа баранов зафиксированы в юго-западной и юго-восточной частях кольцевого рва, окружавшего основное погребение 5 (подросток) кургана 3 у с. Рошканы на правобережье Нижнего Днестра. В том же рву были найдены верхняя часть антропоморфной стелы и два сосуда усатовской культуры (Дергачёв и др. 1989, 35). В кургане 1 у с. Пуркары в культовой яме, связанной с основным погребением 21 усатовской культуры, зафиксированы кости черепа, конечностей, таза и астрагал молодой лошади, большие берцовые кости двух особей быка и часть скелета одной особи МРС (Яровой 1990, 70). Кости «молодой особи овцы (козы)» упоминаются Е.В. Яровым в связи с атрибуцией описанного выше основного детского погребения 1 кургана 2 у с. Оланешты (Яровой 1990, 212). Часть

скелета МРС лежала у юго-восточной части материкового выкида из основного ямного погребения 14 кургана 1 у с. Бравичены на правобережье Среднего Днестра (Ларина и др. 2008, 11). В кургане 3 у с. Копчак (Буджакская степь) в западной поле второй насыпи прослежены две ямы (№ 1 – овальная, № 2 – прямоугольная), разделённые материковой перемычкой шириной 10 см. В яме 1 находились кострище, кости животных, фрагменты керамики (связаны с основным для третьей насыпи ямным погребением 12) (Бейлекчи 1990, 37).

Также следует упомянуть курган 23 у г. Дубоссары на левобережье Среднего Днестра, где на древнем горизонте, на ограниченной кромлехом площадке, находилось скопление костей лошади и крупного рогатого скота. При этом основное погребение в пределах кромлеха отсутствовало. Вероятно, лишь после сооружения небольшой насыпи над скоплением костей животных в неё было впущено погребение ребёнка.

Кострище с костями лошади было зафиксировано близ детского погребения 4, сопровождающего (с юго-запада) основное ямное погребение 3 кургана 3 у с. Дойбаны-2 Дубоссарского района. Аналогичное сопровождающее погребение маленького ребёнка с кострищем изучено в соседнем ямном кургане 1. Оба кургана имели кольцевые рвы (Кетрару и др. 2014, 147).

Кости конечностей быка домашнего найдены на дне кольцевого рва кургана 1 группы «ДОТ» у с. Глиное Слободзейского района (1,5 км западнее группы «Сад»), у южного края юго-западной перемычки. В непосредственной близости от костей быка, «замыкая» изнутри проход во рву, находилось погребение маленького ребёнка, перекрытое антропоморфной стелой. Оно сопровождало основное ямное погребение. В том же кургане, впущенное с древней поверхности юго-западнее рва, зафиксировано ещё одно погребение маленького ребёнка, сопровождавшее основное для второй насыпи ямное захоронение. Все упомянутые выше погребения были ориентированы в юго-западном и западном направлении (Тельнов и др. 2013, 14-15).

Напомним, что именно в юго-западном направлении был ориентирован маленький ребёнок в основном погребении 15 кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное. В юго-западной и

юго-восточной частях рва этого кургана были сделаны проходы, причём южнее юго-западной перемычки на дне рва был найден камень, возможно, являвшийся верхней частью менгира либо стелы. Исследователи неоднократно отмечали, что в курганах эпохи бронзы Северного Причерноморья и Прикарпатья элементы древних кладбищ (жертвенники, кострища, культовые ямы) располагались в основном по линии юго-запад - северо-восток по отношению к центру (Дворянинов и др. 1981, 35). Особое значение осевой линии юго-запад - северо-восток для сакрального пространства курганов усатовской культуры раннего бронзового века подчёркивал В.Г. Петренко. Именно с юго-западной стороны, по мнению автора, предусматривался вход в «иной мир», возле которого совершались важнейшие ритуальные действия, о чём свидетельствуют жертвенные ямы и погребения (Петренко 2010, 314; Петренко 2013, 177). Общая ось симметрии для объектов, связанных с основным погребением 15 кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное, как и для близкого по устройству кургана 6 у с. Никольское, также проходит по направлению юго-запад - северо-восток.

Подобные ритуальные объекты известны на памятниках ямной культурно-исторической общности Северо-Западного Причерноморья. Кострища и кости животных на древнем горизонте, связанные с основными погребениями, фиксировались под насыпями ряда ямных курганов Дунай-Днестровского междуречья (Шмаглий, Черняков 1970, 12; Субботин и др. 1995, 31, 48, 75; Субботин и др. 1998, 8). Четыре круглые культовые ямы были зафиксированы под насыпью ямного кургана 16 у с. Никольское на левобережье Нижнего Днестра (Агульников, Сава 2004, 146). Юго-западнее основного детского погребения 1 в ямном кургане 3 группы «Спутник» у с. Ближний Хутор Слободзейского района, на дне кольцевой околочурганной выемки, находились три культовые ямы. Одна из них, подобно упомянутым выше культовым ямам под усатовским курганом 1 у с. Пуркары и под ямным курганом 3 у с. Копчак, была разделена на две части материковой перемычкой, причём в северо-восточной половине была установлена каменная плита (стела?), а в юго-западной – находилось кострище с костями животных (Синика и др. 2015, 183).

Кольцевые рвы, в том числе с одним либо двумя проходами, обычно в западном секторе,

характерны для курганов целого ряда культурных групп энеолита - раннего бронзового века Северного Причерноморья. В целом, исследователи склонны связывать кромлехи, обкладки и рвы преимущественно с различными группами степного энеолита, а также с усатовской культурой (Ларина и др. 2008, 110). Наличие подобных конструктивных элементов в ямных курганах, по мнению С.В. Ивановой, является пережитком позднеэнеолитической эпохи и одним из определяющих признаков погребений раннего этапа буджакской ямной культуры (Иванова 2013, 205). Впрочем, здесь термин «позднеэнеолитическая эпоха», как будет показано ниже, имеет характер не хронологический, а скорее типологический. Следует учитывать также, что многие основные погребения в таких курганах либо разрушены, либо безынвентарны. Следовательно, отсутствует возможность с определённой отнессти их к той или иной культуре. В целом же сочетание кольцевых рвов (часто сопровождаемых кромлехами и каменными обкладками) с культовыми ямами, кострищами, скелетами и отдельными костями животных чаще всего встречается именно в курганах, связываемых с усатовской культурой: Казаклия к. 3, Тараклия II к. 10, Баштановка к. 5, Нерушай к. 9, Тудорово к.1, Семёновка к. 1, к. 14, Маяки II к. 4, к. 5, Усатово I к. 12 (Дергачёв, Манзура 1991, 45-106), Пуркары к. 1 (Яровой 1990, 86), Рошканы к. 3 (Дергачёв и др. 1989, 35), и т.д. Диаметры рвов и кромлехов (максимальное расстояние между их внутренними краями) варьируют от 10 до 20 м, в среднем составляя 15-16 м, как и в кургане 4 группы «Сад».

Обратимся непосредственно к погребальному обряду. Поза маленького ребёнка, захороненного в основном погребении 15 кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное, достоверно не устанавливается. Судя по сохранившимся бедренной и большой берцовой костям правой ноги, а также по остаткам таза и черепа, он был уложен скорченно на спине либо на правом боку, головой на юго-запад. Зафиксированы интенсивная окраска черепа красной охрой, остатки изделия из ярко-алой охры, очевидно, находившегося справа от черепа, коричневый органический тлен от подстилки, мелкие древесные угольки. Яма в плане имела прямоугольную форму, с выделенными углами и старательно заглаженными отвесными стенками. Инвентарь был представлен кремнёвым отщепом и крупным фрагментом лепного сосуда.

Находки древесных углей в погребениях и в культовых ямах, видимо, свидетельствующие об огненном ритуале, характерны для всех без исключения культурных групп энеолита - эпохи бронзы, и не могут служить хронологическим признаком. Отщепы и куски кремня также весьма часто встречаются как в усатовских, так и в ямных погребениях, в том числе и в детских. Очевидно, их следует рассматривать не как «инвентарь» в общем смысле этого слова, а скорее как куски ритуального вещества, которому приписывались определённые сверхъестественные свойства. Такое использование кремня, вероятно, было обусловлено представлениями о его тесной связи с огнём, в первую очередь с «небесным огнём» – молнией как оружием божества-громовержца. В качестве ближайших аналогов ритуальных веществ из погребальных комплексов энеолита - бронзового века можно привести те же древесные угли, охру, мел, серу и т.п. (Razumov 2011, 139-140).

Также следует упомянуть найденный в северо-восточной части погребальной ямы фрагмент верхней части округлобокого лепного горшка довольно больших размеров (диаметр тулова более 26 см, венчика – около 19 см), орнаментированного группами сдвоенных вертикальных валиков, сформированных горизонтальными защипами, и горизонтальным поясом из пальцевых вдавлений (рис. 4/4). Внешний срез венчика украшен защипами, шейка – двумя параллельными наклонными линиями отпечатков шнура. Тесто рыхлое, с примесью шамота и выгоревшей органики. Отметим, что фрагменты стенок лепных сосудов из южной части кольцевого рва и из заполнения объекта 8 (культовая яма) также содержали в тесте песок и шамот.

Морфология и схема орнаментации данного сосуда в целом сближают его с нерасписными сосудами из комплексов усатовской культуры. Округлобокие лепные горшки и амфоры с вертикальными полосами орнамента, сформированными обычно двойными или тройными рядами «серпиков», «личинок», «жемчужин», наколов, отпечатков шнура и прочерченных линий, составляют около 50% керамики из усатовских погребений, особенно часто встречающаяся, наряду с расписными позднетрипольскими сосудами, в захоронениях высшей социальной страты (Патокова и др. 1989, 113; Яровой 1990, 215-218; Дергачёв, Манзура 1991,

38-128; Петренко 2013, 185). Сходную орнаментацию имеют также усатовские антропоморфные статуэтки и ритуальные керамические «кубики» (Петренко 2013, 192). Впрочем, есть особенности, отличающие сосуд из погребения 15 кургана 4 группы «Сад» от вышеописанной категории усатовской погребальной керамики: использование именно пальцевых защипов и вдавлений, низкое качество обжига и грубая фактура внешней поверхности, сравнительно большие размеры. Такие признаки наиболее характерны для кухонной керамики, встречающейся почти исключительно на городище Усатово-Большой Куяльник (Лагодовська 1952, 124-129, рис. 1/5-6; Патокова и др. 1989, 113; Петренко 2013, 185, рис. 35/1-4). В отличие от «парадной» погребальной посуды, в данном случае, очевидно, мы имеем дело со вторично использованным фрагментом крупного кухонного горшка. Такое использование черепков крупных сосудов в качестве жаровен, площадок для охры и т.п. было довольно распространено в погребальной практике различных культурных групп позднего энеолита - бронзового века. Отметим, что известны и отдельные случаи орнаментации сосудов из усатовских погребений рядами пальцевых вдавлений и защипов. Приведём два показательных примера: Усатово II 2/3 – у черепа взрослого стояла амфорка с вертикальными рядами отпечатков шнура и ногтевых вдавлений (Дергачёв, Манзура 1991, 112, рис. 71/20); Пуркары 5/1 (основное) – ребёнок, два из четырёх сосудов орнаментированы рядами пальцевых вдавлений (Яровой 1990, 119). Впрочем, орнаментация керамики пальцевыми вдавлениями и защипами фиксируется и для керамики из ямных погребений. Так, в погребении 5 кургана 1 у с. Терновка на левобережье Нижнего Днестра справа от погребённого была найдена донная часть крупного сосуда с песком в тесте, орнаментированная тремя горизонтальными рядами пальцевых защипов. Погребённый был уложен скорченно на спине головой на юго-запад, окрашен охрой, по углам ямы были зафиксированы углубления от колеб (Савва, Клочко 2002, 154, рис. 5/2). Следует упомянуть сосуд из погребения 7 (вероятно, основного, костяк в прямоугольной яме лежал сильно скорченно на правом боку головой на юго-юго-восток) кургана 445 у г. Каменка на левобережье Среднего Днестра (раскопки Н.Е. Бранденбурга 1899 г.), орнаментированный по плечикам горизонтальными и вертикальными

рядами оттисков круглого штампа. Н.К. Качаловой он был отнесен к культуре шаровидных амфор (Качалова 1974, 12, 18, табл. 7/2).

Отметим, что главным отличием рассматриваемого сосуда из погребения 15 кургана 4 группы «Сад» от подавляющего большинства нерасписных сосудов усатовской культуры является отсутствие толчёной ракушки в тесте. По составу керамической массы он ближе к сосудам из ямных комплексов. Впрочем, и в типично усатовских погребениях известны сосуды с шамотом или песком в тесте: в Буджакской степи – Казаклия 3/11 (в погребении взрослого наряду с каменным топором и кремнёвым отщепом был найден горшок с песком в тесте); на левобережье Нижнего Днестра – Спя 1/5 (подросток скорченно на левом боку головой на северо-восток, рядом пять лепных сосудов, у четырёх в тесте толчёная ракушка, у пятого – шамот, он орнаментирован вертикальными полосами отпечатков шнура и рядами «серпиков») (Дергачёв, Манзура 1991, 44, 62, рис. 42/8); на правобережье Нижнего Днестра – уже упомянутый комплекс Тудорова 1/1, где один из пяти сосудов имел в составе теста не толчёную ракушку, а песок, при этом также был орнаментирован вертикальными полосами отпечатков шнура и рядами «серпиков», между которыми размещались прочерченные фигурки животных (лошадей или быков) (Мелюкова 1962, 76); Рошканы 5/7 – ребёнок скорченно на правом боку головой на северо-запад, рядом три сосуда, у двух (кубок и горшок) в тесте шамот, у третьего – толчёные раковины (Дергачёв и др. 1989, 50). Подчеркнём, что далеко не во всех публикациях приводится состав теста найденных керамических сосудов. Таким образом, и этот признак не является определяющим для культурно-хронологической атрибуции публикуемого нами комплекса.

Особенности погребального ритуала погребения 15 кургана 4 группы «Сад» (устройство ямы, поза, юго-западная ориентировка, охра и т.д.), на первый взгляд, наиболее характерны для памятников ямной культурно-исторической общности Северо-Западного Причерноморья (см.: Яровой 1985; Дергачёв 1986; Иванова 2001; 2013, 199-257). Тем не менее, они известны и в комплексах других культурных групп энеолита - раннего бронзового века. Так, при преобладании северо-восточной ориентировки и левобочной позы, до 5% погребённых усатовской культуры были ориентированы

в западном секторе (Патокова и др. 1989, 95, рис. 33/2), до 11% в могильниках Усатово и Маяки были скорчены на правом боку, до 21% – на спине. Охра использовалась в 40% погребений и в 20% культовых ям этих могильников, а на территории Нижнего Поднестровья и Буджака она была зафиксирована почти в 70% захоронений усатовской культуры (Патокова и др. 1989, 96-97). При этом неоднократно фиксировались изделия из охры, расположенные в районе голов погребённых.

Особый интерес вызывают усатовские погребения детей, в первую очередь основные. Грунтовый могильник Данку II п. 3 и 4 – дети с выразительным инвентарём; грунтовый могильник Данчены п. 1 – ребёнок головой на юг, сопровождался амфорой, верхней частью сосуда с шнуровым орнаментом и кремнёвым отщепом; Тирасполь II 3/27 – ребёнок на правом боку головой на юг, череп в охре, в ногах верхняя часть горшка, у таза миниатюрный сосудик, у шеи костяная булава и пастовая бусина, 3/28 – маленький ребёнок головой на юг с сосудиком и бусиной, 3/29 – подросток скорченно на правом боку головой на юг, окрашен охрой: все три погребения основные, перекрыты общей насыпью (Дергачёв, Манзура 1991, 42, 60, 70); Рошканы 5/7 – ребёнок скорченно на правом боку головой на северо-запад, рядом три сосуда (Дергачёв и др. 1989, 50); Пуркары 2/13 (основное) – ребёнок скорченно на левом боку головой на северо-восток, скелет в охре, у черепа изделие из охры, у плеча три бронзовые пронизки, в ногах четыре сосуда, у южной стенки лопатка и кости ног МРС; 5/1 (основное) – ребёнок скорченно на левом боку головой на восток–юго-восток, скелет в охре, у левого плеча изделие из охры, в разных местах ямы четыре сосуда (Яровой 1990, 100, 119). Возможно, к усатовским либо раннеямным следует отнести и основное детское погребение 1 кургана 2 у с. Оланешты на правобережье Нижнего Днестра, перекрытое антропоморфной стелой. Здесь ребёнок был уложен скорченно на левом боку, головой на юго-запад (Яровой 1990, 157-159).

Таким образом, выделяется целая серия комплексов усатовской культуры, преимущественно основных, сочетавших детские погребения с выразительным инвентарём и такие особенности погребальных ритуалов, как рвы, кромлехи, культовые ямы, скелеты либо части скелетов животных и т.п. Часть из них отличается

также позой и ориентировкой, не характерной для основной массы захоронений взрослых людей. Впрочем, упомянутые нами комплексы содержат преимущественно костяки детей возрастом от 5 до 14 лет. Исследователи отмечают, что для усатовской культуры погребения детей младше двух лет крайне редки, причём хоронили их только совместно с взрослыми. Исходя из характерной для первобытных обществ высокой детской смертности, предполагается захоронение основной массы детей по иному обряду, отличному от «взрослого» (Патокова и др. 1989, 80). Соответственно, социальный и/или сакральный статус маленьких детей из основных подкурганых погребений мог соответствовать статусу взрослых из аналогичных комплексов. Кроме того, следует упомянуть и о детских погребениях, сопровождавших основные подкурганые погребения взрослых: Тараклия II 10/2, Рошканы 3/7, Маяки II 3/7, Усатово I 2/2 (Дергачёв, Манзура 1991, 47, 64, 82, 91). Очевидно, прямоугольные «культовые ямы» в усатовских курганах, содержавшие инвентарь, аналогичный инвентарю детских захоронений (в первую очередь глиняные статуэтки и миниатюрные сосуды) (Петренко 2013, 181), также являлись сопровождающими погребениями маленьких детей. Напомним, что в круглых культовых ямах обычно находились остатки кострищ и/или костяки либо части костяков животных.

Сходная ситуация наблюдается и для ямных детских погребений. Отметим, что сооружение отдельного кургана над основным погребением маленького ребёнка в целом не было характерно для ямной культурно-исторической общности. В Северо-Западном Причерноморье известны единичные случаи: на левобережье Нижнего Дуная – Кочковатое 25/4 (ребёнок 2-4 лет скорченно на спине головой на северо-запад, яма с уступом больших размеров, ямки от кольев по углам) (Ванчугов и др. 1992, 13); Новоселица 21/3 (ребёнок 5-7 лет головой на восток–северо-восток, яма больших размеров, ямки от кольев по углам) (Субботин и др. 1995, 104); Вишнёвое 52/35 (младенец либо кенотаф, яма небольших размеров, ямки от кольев по углам) (Субботин и др. 1998, 8); в левобережном Попрутье – Яблона 1/7 (основное для второй насыпи, яма с уступом больших размеров, ребёнок лежал скорченно на спине головой на запад–юго-запад, у черепа обнаружены две серебряные подвески в полтора оборота)

(Яровой 1983, 202); на левобережье Нижнего Днестра – упомянутый выше комплекс «Спутник» 3/1 у с. Ближний Хутор (ребёнок до 7 лет лежал скорченно на спине головой на запад–юго-запад, у черепа обнаружены серебряная и медная подвески в полтора оборота, яма с уступом больших размеров, ямки от кольев по углам, чашевидное углубление в дне ямы, три культовые ямы с каменной плитой и кострищем в юго-западной части кургана) (Синика и др. 2015, 183). Размеры большинства основных детских погребальных сооружений соответствуют стандартам погребений взрослых. Ямы с уступами и наличие в дне ямок от кольев также сближают основные погребения маленьких детей с основными погребениями взрослых в ямных курганах. Следует напомнить и о ямной традиции совершения детских погребений, синхронных основным для первой и последующих насыпей захоронениям взрослых (Кетрару и др. 2014, 147; Разумов и др. 2015, 345).

Наличие неординарных детских погребений связывается исследователями с вопросом наследования социального статуса. Практически все подкурганые детские ямные погребения в группе до 5-7 лет отличны от рядовых. С.В. Иванова считает, что «в курганах погребались не все дети, а лишь определённая их часть, занимающая, по сравнению с другими детьми, более высокую социальную позицию» (Иванова 2001, 128-132). Впрочем, существует и несколько иная точка зрения. Так, В.Г. Петренко, рассматривая усатовские курганы как «специализированные обрядовые сооружения монументального типа, «святилища», имеющие сложное устройство», полагает, что они функционировали в качестве «жертвенников». Отмечая, что в ряде случаев «периферийные» погребения отличаются от синхронных им центральных большей сложностью обряда и богатством инвентаря, исследователь предположил существование в усатовской культовой практике человеческих жертвоприношений, в частности, «заместительных жертв» (Петренко 2010, 361; Петренко 2013, 182). Возможно, некоторые основные и синхронные основным детские погребения ямной культурно-исторической общности также связаны с аналогичными ритуалами. Младенческий возраст погребённого в основном захоронении 15 кургана 4 группы «Сад», небольшие размеры центральной погребальной ямы, а также отсутствие

следов престижного инвентаря в сочетании со сложной конфигурацией и разнообразием подкурганых сооружений, содержавших кости животных и остатки кострищ, свидетельствуют, по нашему мнению, в пользу интерпретации данного кургана именно в качестве культового сооружения – «жертвенника».

Если суммировать всё вышесказанное, можно отметить, что курганы, имеющие те или иные сходные с публикуемым нами особенности конструкции, погребального обряда и инвентаря, атрибутируются исследователями совершенно по-разному. Так, наиболее близкий глинянскому по устройству курган 6 у с. Никольское датируется авторами раскопок доусатовским периодом степного энеолита (времени Триполье С1) и связывается с группой памятников, называемой в публикациях тип Хаджидер, культура Хаджидер-Чернавода I или Хаджидер-Животиловка. При этом отмечается, что признаками данной группы памятников (типа, культуры) являются «подкурганые сооружения, связанные с культом домашних животных», а также кромлехи, каменные обкладки-крепиды и кольцевые рвы с проходами в западном секторе (Агульников, Сава 2004, 203-204). К типу Хаджидер-Чернавода I И.В. Манзура отнёс основные погребения курганов 1 (ров с перемычкой на юго-западе, две круглые культовые ямы с кострищами и костями животных), 3 (две круглые культовые ямы с костями животных и фрагментами керамики) и 4 (две круглые культовые ямы) у с. Саратены на левобережье Среднего Прута (Levițki, Manzura, Demcenko 1996, 61; Манзура 2013, 126-139). По мнению Е.В. Яровой, именно с доусатовской группой энеолита Хаджидер-Животиловка связаны кромлехи, каменные обкладки, все известные культовые ямы и подкурганые «святилища» (Яровой 2000, 14). Впрочем, этот постулат оспаривается другими исследователями. Так, «святилище» под курганом 1 у с. Мокра на левобережье Среднего Днестра связано с основным для второй насыпи погребением 2 (ребёнок) либо основным для третьей насыпи погребением 9, по всем признакам (ямы с заплечиками, углубления от кольев по периметру дна, поза, ориентировка) относящимися к ямной культурно-исторической общности (Кашуба и др. 2001-2002, 220). Состоявшая из сожжённых столбов конструкция с костями животных и фрагментами керамики была связана с погребением 1 кургана 1 (раскопки 2005 года)

группы I на острове Хортица (Нижний Днепр). Ю.Я. Рассамкин отнёс данное погребение к кватитанской культуре позднего энеолита (Гаврилюк та ін. 2006, 26), в целом синхронной усатовской культуре и раннеямным памятникам. Таким образом, привязка таких конструкций (кольцевые рвы, культовые ямы с костями животных и кострищами, сожжённые столбы – Аккермень, к. 11 в Северном Приазовье; Кодак, к. «Сторожевая Могила», «Куклина Могила» к. 2, хут. Шевченко к. 29 – в Нижнем Поднепровье; Саратены, к. 1, 3, 4, Казаклия, к. 3, Токиле-Радуканы, к. 1, Кубей к. 1, Красное к. 9 – в Северо-Западном Причерноморье) исключительно к среднему периоду степного энеолита (3900/3800 – 3500/3400 BC) (Черных, Дараган 2014, 272-274) является весьма спорной. Очевидно, подобные конструкции существовали длительное время и сооружались представителями различных культурных групп энеолита и бронзового века. При этом нельзя не упомянуть некоторую терминологическую путаницу, когда синхронные культурные группы, сосуществовавшие на одной либо на смежных территориях, относятся исследователями то к энеолиту (формальным признаком здесь обычно выступает наличие позднетрипольских импортов и/или подражаний), то к раннему бронзовому веку (исходя из находок предметов из мышьяковистой бронзы). Поскольку подробное рассмотрение данной проблематики выходит далеко за рамки нашей публикации, отметим лишь, что начало раннего бронзового века на территории Северо-Западного Причерноморья мы соотносим с рубежом третьей – четвёртой четвертей IV тысячелетия до н.э.

В этой связи следует вернуться и к вопросу датировки перекрытого антропоморфной стелой основного детского погребения 1 кургана 2 у с. Оланешты на правобережье Нижнего Днестра, сопровождавшегося четырьмя ямами, две из которых также были перекрыты антропоморфными стелами. Е.В. Яровой датировал данные комплексы «как минимум доусатовским временем» на основании того, что «положение погребённого и его ориентировка не позволяют отнести его ни к усатовской, ни к ямной культуре» (Яровой 1990, 212). Почему скорченность погребённого на левом боку, головой на юго-запад, свидетельствует о его доусатовской датировке, осталось для нас загадкой. Выше мы привели ряд комплексов усатовской культуры, сходных по ряду признаков с захо-

ронением Оланешты 2/1. Ещё больше аналогий можно найти в ямных курганах (Разумов и др. 2015, 346). Очевидно, единственной причиной столь ранней датировки данного комплекса является стремление Е.В. Яровой во что бы то ни стало обосновать свой тезис о том, что все антропоморфные стелы являются исключительно принадлежностью «древнейших энеолитических святилищ». Представители ямной культурно-исторической общности будто бы «растаскивали каменные скульптуры и использовали их при сооружении собственных гробниц» как «редкий в степи камень» в качестве простого строительного материала (Яровой 1990, 212; Яровой 2000, 38). В настоящее время, после многочисленных публикаций результатов новостроечных раскопок курганов на территории Северного Причерноморья, является несомненным факт массового изготовления каменных антропоморфных стел в процессе погребального ритуала в первую очередь именно ямного населения. Заметим, что в Северо-Западном Причерноморье наличие каменных стел характерно для курганных комплексов ещё одной культуры – усатовской. Так, только в курганах первого Усатовского могильника найдено около двух десятков антропоморфных стел (Патокова и др. 1989, 93). В этой связи ещё раз упомянем ямное по всем признакам основное погребение 18 кургана 1 группы «ДОТ» у того же с. Глиное Слободзейского района, окружённое кольцевым рвом с костями животных и сопровождавшееся перекрытым каменной антропоморфной стелой захоронением младенца, «закрывавшим» изнутри юго-западный проход во рву (Тельнов и др. 2013, 14-15). Кроме перечисленных черт погребального ритуала, сближающих данный курган с усатовскими, отметим ещё одну немаловажную деталь: вплотную к бедренной кости погребённого мужчины располагалось кремнёвое изделие, которое оказалось микролитическим трансверсальным наконечником стрелы – причиной несмертельного ранения, о чём говорят кальциевые отложения на нём. Именно такие наконечники-трапеции широко известны в усатовских комплексах – как в виде единичных находок, возможно, также являвшихся причинами ранений, так и в виде целых наборов. Впрочем, подробно курган 1 группы «ДОТ» у с. Глиное будет нами опубликован в отдельной работе.

Также близкие по конструкции и инвентарю кургану 4 группы «Сад» комплексы атрибутируются исследователями в рамках усатовской культуры либо ямной культурно-исторической общности раннего бронзового века (Триполье СП и позже). Эти памятники мы неоднократно упоминали выше. В частности, наиболее близкие аналогии погребениям собак в культовых ямах кургана 4 известны именно в усатовских курганах. Отметим, что в настоящее время сосуществование и активное взаимовлияние усатовского (по крайней мере, на стадии младшей ступени данной культуры) и раннеямного населения практически не ставится под сомнение (Яровой 2000, 42; Иванова 2010, 162; Иванова 2013, 208-211; Петренко 2013, 168). На наш взгляд, именно этим взаимовлиянием и взаимопроникновением может объясняться сходство целого ряда черт погребально-поминальной обрядности, в том числе и особенности конструкции курганов-святилищ.

Одним из таких святилищ, очевидно, был курган 4 группы «Сад» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Он не содержал яркого инвентаря, который бы позволил однозначно атрибутировать данный памятник. Тем не менее, особенности его устройства позволили связать его с целым рядом схожих памятников позднего энеолита – раннего бронзового века. Вся совокупность этих особенностей позволяет нам отнести основное погребение этого кургана и связанные с ним сооружения к младшей ступени усатовской культуры – ко времени, когда её носители активно контактировали с раннеямным населением. Таким образом, мы можем предварительно датировать данный памятник рубежом IV и III тысячелетий до н.э. и интерпретировать его в качестве кургана-святилища эпохи ранней бронзы, возможно, связанного с ритуалом принесения в жертву животных и человека.

Библиография

- Агульников, Сава 2004:** С. Агульников, Е. Сава, Исследования курганов на Левобережье Днестра (Кишинёв 2004).
- Андрух и др. 1985:** С.И. Андрух, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев, Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная.: Деп в ИНИОН АН СССР 13.06.1985 г., № 21110 (Москва 1985).
- Бейлекчи 1990:** В.С. Бейлекчи, Раскопки кургана 3 у с. Копчак. В сб.: АИМ в 1985 г. (Кишинев 1990), 34-49.
- Берестнев 1999:** С.И. Берестнев, О роли собаки в религиозно-мифологических представлениях древних индоевропейских племён. В: Древности – 1997-1998 (Харьков 1999), 41-49.
- Ванчугов и др. 1992:** В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья (Киев 1992).
- Гаврилюк та ін. 2006:** Н.О. Гаврилюк, Ю.Я. Рассамакін, С.М. Разумов, М.А. Остапенко, М.М. Дараган, М.В. Ковальов, Н.І. Мінаєва, Розкопки та музеєфікація курганів на острові Хортиця. В зб.: (Відп. ред. Н.О. Гаврилюк) Археологічні пам'ятки Хортиці та їх музеєфікація (Запоріжжя 2006), 13-28.
- Дворянинов и др. 1981:** С.А. Дворянинов, В.Г. Петренко, Н.А. Рычков, К изучению ориентировки ямных погребений. В сб.: (Отв. ред. Г.Г. Мезенцева) Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 22-38.
- Дергачёв 1986:** В.А. Дергачёв, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинёв 1986).
- Дергачёв, Манзура 1991:** В.А. Дергачёв, И.В. Манзура, Погребальные комплексы позднего Триполья. Свод источников (Кишинёв 1991).
- Дергачёв и др. 1989:** В.А. Дергачёв, И.А. Борзияк, И.В. Манзура, Рошканские курганы (Кишинёв 1989).
- Иванова 2001:** С.В. Иванова, Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2001).
- Качалова 1974:** Качалова Н.К., Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы. САИ В4-12 (Москва 1974).
- Иванова 2010:** С.В. Иванова, Торговые пути и миграции в Юго-Восточной Европе в раннем бронзовом веке. МАСП 11, 2010, 158-248.
- Иванова 2013:** С.В. Иванова, Культурно-исторические контакты населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке: Запад – Восток. *Stratum plus* 2, 2013, 199-259.
- Иванова и др. 2005:** С.В. Иванова, В.Г. Петренко, Н.Е. Ветчинникова, Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).
- Кашуба и др. 2002:** М.Т. Кашуба, С.И. Курчатова, Т.А. Щербакова, Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра). *Stratum plus* 4, 2001-2002, 180-252.
- Кетрару и др. 2014:** Н.А. Кетрару, В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Дубоссарские курганы (Археологические памятники Приднестровья, вып. II) (Тирасполь 2014).

- Ковалёва 1984:** И.Ф. Ковалёва, Нео-энеолитический могильник «Госпитальный холм» (предварительное сообщение). В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. (Днепропетровск 1984), 28-29.
- Ковалёва и др. 1979:** И.Ф. Ковалёва, З.П. Марина, Н.В. Чернявская, С.В. Никитин, Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хашево. В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Курганные древности Степного Поднепровья III-II тыс. до н.э. (Днепропетровск 1979), 5-24.
- Лагодовська 1952:** О.Ф. Лагодовська, Усаївська експедиція 1948 р. АП УРСР 4, 1952, 124-130.
- Ларина и др. 2008:** О. Ларина, И. Манзура, В. Хахеу, Брэвиченские курганы (Кишинёв 2008).
- Лысенко, Лысенко 2004:** С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко, Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2003 г. В сб.: АБУ 2002-2003 рр. (Київ 2004), 198-210.
- Манзура 2013:** И.В. Манзура, Культуры степного энеолита. В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины) (Одесса 2013), 115-153.
- Мелюкова 1962:** А.И. Мелюкова, Курган Усатовского типа у села Тудорово. КСИА 88, 1962.
- Патокова и др. 1989:** Э.Ф. Патокова, В.Г. Петренко, Н.Б. Бурдо, Л.Ю. Полищук, Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1989).
- Петренко 2010:** В.Г. Петренко, Курган эпохи палеометалла на побережье Хаджибейского лимана. МАСП 11, 2010, 303-366.
- Петренко 2013:** В.Г. Петренко, Усатовская культура. В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины) (Одесса 2013), 163-210.
- Разумов и др. 2015:** Разумов С.Н., Смирнов А.И., Смирнов Л.И., Карнаух Е.Г. Курганы бронзового века у села Тузлы в верховьях Березанского лимана. *Stratum plus* 2, 2015, 329-357.
- Резепкин 1991:** А.Д. Резепкин, Курган 31 могильника Клады. Проблема хронологии и генезиса майкопской культуры. В сб.: (Отв. ред. В.М. Массон) Древние культуры Прикубанья. По материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края (Ленинград 1991), 167-197.
- Сава, Клочко 2002:** Е.Н. Сава, Е.О. Клочко, Раскопки курганов и поселения эпохи поздней бронзы «Кривое озеро» у села Терновка в Поднепровье. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрау) Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Тирасполь 2002), 149-179.
- Свешников 1983:** И.К. Свешников, Культура шаровидных амфор. САИ В1-27 (Москва 1983).
- Синика и др. 2015:** В.С. Синика, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, Курганная группа «Спутник» у с. Ближний Хутор на левобережье Нижнего Днестра. МАСП 13, 2015, 164-194.
- Субботин и др. 1995:** Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, А.Н. Дзиговский, Археологические древности Буджака. Курганы восточного побережья озера Сасык (Одесса 1995).
- Субботин и др. 1998:** Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов, Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишнёвое и Белолесье (Одесса 1998).
- Тельнов и др. 2013:** Н.П. Тельнов, В.С. Синика, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Полевой отчёт о работах Днепровской археологической экспедиции у с. Глиное Слободзейского района в 2013 году. Архив Музея археологии Поднепровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко. № 16.
- Черных, Дараган 2014:** Л.А. Черных, М.Н. Дараган, Курганы эпохи энеолита-бронзы междуречья рек Базавлук, Солёная, Чертомлык (Киев 2014).
- Шмаглий, Черняков 1970:** Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков, Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра. МАСП 6, 1970, 5-115.
- Яровой 1983:** Е.В. Яровой, Курган эпохи ранней бронзы у с. Яблона. В сб.: АИМ в 1979-1980 гг. (Кишинев 1983), 193-210.
- Яровой 1985:** Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда) (Кишинёв 1985).
- Яровой 1990:** Е.В. Яровой, Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднепровья (Кишинёв 1990).
- Яровой 2000:** Е.В. Яровой, Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дисс. ... д.и.н. (Москва 2000).
- Levițki, Manzura, Demcenko 1996:** O. Levițki, I. Manzura, T. Demcenko, Necropola tumulară de la Sărăteni (București 1996).
- Razumov 2011:** S. Razumov, Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200 - 1600 BC (based on burial materials). *Baltic-Pontic studies*, vol. 16 (Poznań 2011).
- Szmyt 2002:** M. Szmyt, Ze studiów nad kontaktami społeczeństw środkowoeuropejskich i stepowych. Relacje ludności kultury amfor kulistych i kultury jamowej. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). Материалы III Международной конференции. Тирасполь, 5-8 ноября 2002 г. (Тирасполь 2002), 111-114.

Complexul ritual din epoca bronzului timpuriu de pe malul stâng al Nistrului Inferior

Cuvinte-cheie: epoca bronzului timpuriu, eneoliticul târziu, ritual funerar, cultura Usatovo, Nistrul Inferior, înmormântări de câini.

Rezumat: În anul 2015 arheologii de la Universitatea de Stat din Transnistria „Taras Șevcenko” au întreprins cercetări de salvare la trei tumuli ce fac parte din grupul tumular „Sad” din preajma satului Hlinaia, raionul Slobozia. În tumulul 4, deopotrivă cu cele șapte înmormântări secundare din prima epocă a fierului, au fost cercetate mormântul principal, ce a aparținut unui copil, și o serie de complexe legate de această înmormântare. Complexele sunt reprezentate de 11 gropi rituale ce conțineau oase de animale și urme de la ruguri. În două gropi au fost înmormântați câini, iar în una – un pui de vită cornută mică. Ritualul funerar și inventarul înmormântării principale, precum și specificul complexelor din preajma mormântului permit atribuirea acestui sit la cultura Usatovo timpurie, perioadă când purtătorii ei mențineau contacte intense cu populația culturii Jamnaja. Tumulul 4 din grupul tumular „Sad” de la Hlinaia preliminar a fost datat la cumpăna mileniilor IV-III a. Chr. Prezența de sacrificii ale copilului și ale animalelor permite interpretarea acestui sit drept un tumul-sanctuar din epoca bronzului timpuriu.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Amplasarea geografică și topografică a grupului tumular „Sad”.

Fig. 2. Planul tumulului 4.

Fig. 3. Profilurile marilor tumulului 4.

Fig. 4. Tumulul 4. Descoperiri din epoca bronzului timpuriu: 1, 2 - planul și profilul complexului 15; 3 - lamă de silex din complexul 15; 4 - fragment de vas din complexul 15; 5 - complexul 4; 6 - complexul 5.

Fig. 5. Tumulul 4. Descoperiri din epoca bronzului timpuriu: 1 - complexul 1; 2 - complexul 2.

Fig. 6. Tumulul 4. Descoperiri din epoca bronzului timpuriu: 1 - complexul 7; 2 - complexul 8; 3 - complexul 10; 4 - complexul 19; 5 - complexul 9; 6 - complexul 12; 7 - complexul 14.

Fig. 7. Planul tumulului 6 de lângă satul Nicolscoe, raionul Slobozia (după Агульников, Сава 2004, рис. 22).

Early Bronze Age ritual complex from the left bank of the Lower Dniester

Keywords: Early Bronze Age, Late Neolithic, funerary practice, Usatovo culture, Lower Dniester, dogs' burials.

Abstract: In 2015 the employees of the Pridnestrovian State University conducted rescue excavations of three barrows from the group «Sad» near Glinoe Village, Slobodzeiia district on the left bank of the Lower Dniester. In the barrow 4, in addition to the seven secondary Early Iron Age graves, the burial of a small child and related constructions were found: 11 round ritual pits with animal bones and a fireplace located on the ancient horizon in a certain order, surrounded by a ring ditch with two gaps. Two pits contained dogs' burials, and the one pit – a young specimen of small cattle. Funeral practice and inventory of the main burial and features of the under barrow constructions allow to attribute this monument to the earliest stage of Usatovo culture – to the time, when its carriers had active contacts with the population of the Yamna cultural-historical community. Barrow 4 of the group «Sad» near Glinoe village is preliminary dated to the turn of the 4th-3rd millennia BC. The interpretation of this barrow as a sanctuary of Early Bronze Age, probably associated with the ritual sacrifice of animals and humans, is the most reasonable.

List of illustrations:

Fig. 1. Geographical and topographical location of the barrow cemetery “Sad” near Glinoe village.

Fig. 2. Plan of the barrow 4 of the cemetery “Sad”.

Fig. 3. Profiles of baulks of the barrow 4 of the cemetery “Sad”.

Fig. 4. Objects of the Early Bronze Age from the barrow 4 of the cemetery “Sad”: 1, 2 - plan and section of the object 15; 3 - flint flake from the object 15; 4 - fragment of the vessel from the object 15; 5 - object 4; 6 - object 5.

Fig. 5. Objects of the Early Bronze Age from the barrow 4 of the cemetery “Sad”: 1 - object 1; 2 - object 2.

Fig. 6. Objects of the Early Bronze Age from the barrow 4 of the cemetery “Sad”: 1 - object 7; 2 - object 8; 3 - object 10; 4 - object 19; 5 - object 9; 6 - object 12; 7 - object 14.

Fig. 7. Plan of the barrow 6 near Nikol'skoe village, Slobodzeja district on the left bank of the Lower Dniester (after Агульников, Сава 2004, рис. 22).

12.04.2016

Dr. Сергей Разумов, Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, e-mail: razum_22@rambler.ru

Dr. Сергей Лысенко, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр-т Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: suraganga@yandex.ru

Dr. Виталий Синика, Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, e-mail: sinica80@mail.ru

Dr. Николай Тельнов, Институт культурного наследия АН РМ, бульвар Штефан чел Маре 1, MD-2022 Кишинёв, Республика Молдова, e-mail: telnovnikolai@mail.ru